

Остров щедрости и тепла

На Сахалин мы прилетели с Марией Тепляковой, суздальским поэтом и звонарём. Нас пригласила Сахалинская областная универсальная научная библиотека для участия в III Межрегиональном фестивале патриотической книги. Уже шесть дней на острове. До сих пор не могу поверить, осознать, что я—на Сахалине. Край земли. Это невероятно! Разве можно было мечтать об этом? Бог! Спасибо!

Поселили нас в епархии. Встретила матушка Илариона. Она оказалась совсем молодой—тридцать шесть лет. Приняли по-царски: дали две отдельные комнаты. Трудно приходили в себя после перелёта и из-за разницы во времени. В какой-то момент заснули и не вышли на обед, а разбудил нас телефонный звонок: такси ждёт. Мы—кубарем со второго этажа вниз. Внизу стоит матушка Илариона. Лицо непроницаемое. Руки скорбно сложены на белом переднике... Сколько она так простояла, прежде чем мы спустились?

—Пройдите в столовую и посмотрите, что для вас было приготовлено...

Ошеломлённые и подавленные, мы прошли в столовую. На столе был накрыт обед—море всяких вкусностей... Давно я себя так не чувствовала. Виноватой. Как будто Родину предала. Первая мысль—съесть всё немедленно. Но нас ждала машина. Переглянулись: что делать? Маша как-то повинулась перед матушкой, загладила. Потом мы с нею подружились.

Матушка Илариона—живая, деятельная. Что её заставило постричься в монахини? Бывший учитель, бывший следователь. Носит валенки на босу ногу, живые глаза, обрамлённые апостольником. Мне показалось, что она скучает. Без общения, без тепла. Без жизни. Не знаю ещё без чего. Мне это пока не понять.

Я спросила её о школе звонарей. Она суховато послала к архиерею.

—Мы и сами думали об этом, но возможности...

Видно было, что ей это не очень интересно. Из отговорок—деньги, никто не пойдёт... Хотя деньги—вряд ли причина. И в то, что не пойдут, не верю. Пойдут, и ещё как. Колокола позовут. Я знаю, как это, когда стоишь на колокольне, как на вершине: под тобой—дали, над тобой—небо,

и ты—между. Звонишь. Умело ли, неумело... Ощущение перспективы и силы, и ты как будто движим этой силой, или она движется тобой... Основная задача звона—позвать людей на службу, в храм. Колокольный звон завораживает, очищает. Я беру шире: позвать к Богу, в Храм... На Сахалине везде электронные звонари. Честно говоря, возникает неприятное ощущение, когда колокола сами по себе начинают движение. Даже страшно. В храме в Александровске-Сахалинском электронный звонарь сделан так, что живой человек уже не позвонит. Обычно всё-таки делают так, что может и человек позвонить. Сейчас по всей стране активно восстанавливают церкви, возрождают колокольный звон. Всё больше храмов обзаводятся колоколами. И во многих местах к живым колоколам ставят электронного звонаря. Зачем это делают? Наверное, это удобно. Не надо искать, учить, воспитывать звонаря. Понятно, что человеческий фактор—это часто проблема. Наверное... Но ведь, с другой стороны, человек—ключ ко всему... А электронный звонарь, по моему мнению,—какая-то подмена, имитация чего-то настоящего, живого. Теряется сама идея! Я общалась со звонарями, это люди увлечённые, на своей волне, почти как поэты. И в любом селе найдётся такой человек. Только позови. И уж если звать молодёжь в храм, то школа звонарей—идеальное место для этого...

Обедали вместе в трапезной. Матушка Илариона ушла, потом вдруг вернулась:
—А я тоже попью чаю...

Проговорили почти два часа. Рассказала о своих сомнениях, когда увидела нас впервые. В джинсах, стриженных, без платков. Хиппи какие-то. Рассказала о себе. Родилась на Сахалине. Родители из Иваново (чудны дела Твои, Господи!), уехали на родину. Она—вместе с ними, но в 2011 году вернулась.

—Я так люблю Сахалин!

Глаза озорные. При этом видно: властная, строгая. Спросила, чем я занимаюсь. Я, как обычно, замялась. Старая привычка—стесняться своей работы. А она говорит:

—Надо же... водитель такси... в Москве... да вы—подвижница! Надо вас к нам. Постричь в монахини.

Нам такие кадры нужны. Дети есть? Сын? Сколько лет? Двадцать два! О, вырос, пострижём! Чего так болтаться?

Ну, не знаю. Да я и не болтаюсь. Держу ось, как могу. Мне это совсем не близко. И знаю точно, что много раз была стрижена. Была и монахом, и монахиней. И православным, и буддийским. Достаточно. Для меня это сродни страху пройти свою дорогу, уходу от ответственности. Могу и ошибаться... Но о том молчу.

Я так люблю жизнь. Столько жизни вокруг...

Мы опять в самолёте. Теперь обратно, домой. Сахалин стал таким родным и тёплым. Таким же невероятным. Как из сказки. Всё-таки как Жизнь, как Бог нас любит! Как берегут! Какие невероятные подарки делают! Десять дней встреч, выступлений, работы. Десять дней теплоты, радости, удивления, впечатлений. Столько прекрасных людей. Наша милая сопровождающая Маша Тепкина. Доброжелательная, чуткая, корректная, всегда готовая помочь. Поэт Владимир Семенчик, который на правах местного рассказывал много и постоянно, но при этом совсем не грузил. Очень лёгкий и приятный человек, мужчина и кавалер. Хмурый, серьёзный Павел Басинский. Трогательно было наблюдать, как он отгадал, когда в очередной школе обступили его дети гурьбой и брали автограф. Как потеплело его лицо и залучились глаза. Он снял очки и смущённо улыбался...

Матушка Илариона. Готова засмеяться, но сдерживает себя во всём. Строгая и одновременно заботливая. Я, наверное,— может, и не впервые, а может, и впервые,— почувствовала себя ребёнком, о котором заботятся, которому дают всё самое лучшее, всё самое вкусненькое. Матушка Илариона на своей волне. В любой момент готова начать рассказывать о вере, о храме. Опять звала меня постричься в монахини:

— Нам такие кадры нужны. Ответственные, надёжные и преданные.

Говорю:

— Вот бы к вам приехать ещё...

— Приезжай! Не обязательно сразу стричься. Можно трудником. Сайт тебе сразу отдам вести. Я не успеваю. Дел много. Жить есть где. Кормить — прокормим.

Горячие её проповеди где-то близки мне, где-то категорически нет. Но меня это даже вдохновило. Что можно когда-нибудь взять билет и поехать к ним. Оставить всё. Может, на три месяца, может, на год. Как Бог даст. Это почти как я хотела — завербоваться на судно и уйти в море. На край земли. А вот тут он и есть...

Пятнадцатого октября — триумфальный концерт Маши на колокольне кафедрального собора Южно-Сахалинска. Я много слышала звонов, но тут было что-то симфонически-эпохальное. Ритм

овладел всем, и, как Маша говорит, «колокола на мне играли». Это был какой-то Шостакович. Конечно же, в самый интересный момент кончилось место на телефоне, и снять всё не удалось. Я так огорчилась, что не сразу справилась. Ни камеры у нас нет. Ни даже карты памяти объёмной нет. Ну да ладно...

После колоколов помчались в воскресную школу. Матушка Илариона вывела нас служебным ходом. Быстрее, быстрее... Потом на архиерейском джипе с нею и Василием — молодым парнем, видимо, водителем архиерея, — поехали в Долинск. Там подхватили отца Вячеслава (Каличаву). Батя, батюничок, батюнечка — так нежно звала его матушка Илариона. Бывший шахтёр, настоящий мужчина. Сейчас отец. Настоятель восьми (!) приходов. Настоящий подвижник. По очереди служит во всех восьми. У него с шахтёрских времён травма шеи. От этого дефект речи. Сначала вообще было непонятно, что он говорит. Но потом удивительным образом — то ли настраиваешься, то ли ещё как, — но всё вдруг становится понятным. Светлейший человек, ставший к концу поездки совсем не чужим. В вязаной шапочке с вывязанным крестом. Очень скромно одетый. Да и сам очень скромный человек.

Он сел в джип, и мы поехали в Быков. Бывший город, теперь село, где жила Машина прабабушка Мария. Приехали на кладбище, там разделились, стали искать могилу. Да где там... Разве найдёшь? Кладбище запущено, неровные участки и могилы прямо на дорожках. Много, очень много брошенных могил. Скромные пирамидки из арматуры... Повалившиеся, покосившиеся. Такие пирамидки рассматривали особо. Бабушка Маша умерла в 1983 году. Сын Эдуард, видимо, ненадолго её пережил. И вряд ли стоило искать могилку с памятником...

Несколькими днями ранее мы уже приезжали в Быков и нашли квартиру, где она жила. Номер четыре. На первом этаже. Окна заколочены. Дверь толкнули — открылась. Зашли. Внутри — беспорядок и разруха. Грязь. Мусор. Ушедшая жизнь. Бледные обои. Попыталась представить, как она тут жила. Задёргивала занавески, подметала, пила чай и вязала. В доме напротив нашли бабульку. — Фурмановы? Помню. В четвёртой квартире жили, в доме напротив...

Маша просит:

— Расскажите, какая она была?

— Деточка, разве я помню? Полненькая такая. Вязала. Хорошая такая бабушка...

Идём по кладбищу и разглядываем надписи. Тщетно. От многих могил остались только пирамидки. Надписи с них исчезли. Солнце. Небо синее. Ворона кричат. Маша поднимает глаза к небу. Где ты? Хорошая такая бабушка...

Отец Вячеслав перед кладбищенским крестом отслужил литию, панихиду. В листок попросила

Машу писать своего папу, Иоанна. А также деда моего Пантелеймона и бабушку Александру. Делал ли кто это для них когда? Они родились до революции. Тогда всех крестили. Думаю, и они крещёные. И папа.

...Смотрю на себя в зеркало. У меня появились седые волосы. Мне сорок семь лет. В это трудно поверить. Пора надежд прошла. Пора ожиданий тоже. А я всё ещё надеюсь на что-то. Надеюсь на любовь, надеюсь на то, что есть впереди будущее, свершения... Что я за человек? К сорока семи годам я этого так и не узнала. Какая я? Что я могу? Чего достойна? Можно ли меня любить? Мой старший друг N говорит: «Увидьте, наконец! Всё, что вы задумывали, всё у вас получилось. Увидьте, наконец! Бог любит вас». А я всё никак не могу поверить. А я всё сомневаюсь. Все говорят о какой-то моей силе. О духовном стержне. Боже! Открой мне это!

В разговоре N сделала мне неожиданный подарок — озвучила мою основную задачу: служить Высшему. Не человеку — Высшему. Видимо, это же прочитала матушка Илариона. Но служить Богу можно не только в монастыре. Но и в миру. Это даже труднее делать. Только меня всегда сносит на человека. И я начинаю служить человеку. Делу. Ерунде всякой...

После Быкова мы поехали в сторону Загорска¹. Там сначала жила Машина прабабушка. Работала в ламповой на шахте. Об этом Загорске никто ничего не мог сказать — нет такого на Сахалине. И только приехав в Быков, мы узнали: да, Загорск есть. Вернее, был. Через гору от Быкова. Три тысячи жителей было. Школа. Клуб. Поликлиника. Сейчас полностью вымер. В этом году шахте семьдесят лет. Шахтёров было немного, и все знали друг друга. В шахте страшно. Везде капает. Брёвна, стойки. Тусклый свет. Шахтёр выходил из забоя весь чёрный, хотя внизу уже мылся. Выходил и радовался солнцу. Обычно мы не понимаем, что такое солнце, небо. Шахтёр понимает... На машине от Быкова до Загорска километров двадцать пять — тридцать. Люди добирались через шахту: семьсот сорок ступеней вниз, далее — по рельсам, в вагонетках. Минут пятнадцать всего.

Поехали к порогам, что в пяти-шести километрах от Быкова. Дорога — как в кино: то ли грунтовка, то ли что. Где асфальт с разметкой? Где большие дома и огромные торговые центры с кинотеатрами, в которых толпы людей, живущих только дорогой, работой, домом, хлопотами, а из «духовной» и «культурной» жизни — посещение с детьми гигантского торгового центра и нескончаемый шопинг?..

Дорога петляла между сопок, поросших деревьями. Где-то сопки жёлтые, где-то зелёные. Внизу

бурлит река Красноярка. То покажется, то пропадёт. Из людей — только мы на архиерейском джипе. К порогам с дороги надо свернуть. Там вообще одни ухабы и горки. Между деревьями машина еле помещается. Василий сомневается: проедем ли? Может, лучше пешком? Я его понимаю... Отец Вячеслав благословляет ехать. Матушка Илариона смеётся и подшучивает над Василием: — Едь! Батюнечка благословил!

...Эту поездку благословили архиерей. Владыка Тихон. Здоровый такой. С гривой седых волос. Бороду заправляет под ряску. Борода большая, пышная, окладистая. Подошли на благословение. Я оробела. Неуютно. Не знаю всех этих правил. Но он довольно прост в общении, приветлив, с юмором.

Четырнадцатое октября. Большой праздник — Покров Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Стол ломится: и рыба ста сорока сортов, и мясо, и крабы, и салаты... Кто-то ему звонит, он отвечает, шутит:

— А мы, как всегда, голодаем, есть нечего!

Предложил выпить. Отказываемся. Маша пьёт антибиотики, и ей прощается. Мне пришлось отдуваться за обеих. Водка! Я её не пила, наверное, лет десять. Отказы не принимаются. Говорю: сейчас напьюсь и буду танцевать на столе. Владыка благословил! Пей, ничего не будет!..

О! Эта извечная тоска по простому и понятному! Благословил — делай, не сомневайся! Как часто не хватает этой ясности в жизни. С одной стороны. С другой стороны — перестаёшь принимать решения и нести ответственность. Хорошо ли это?..

...Мы наверху. Вниз — отвесно. Внизу горная река скатывается по каскаду порогов. Душа сжимается от страха и от восторга. Скала выдаётся над речкой. На самом краю — старая берёза. В чём укореняется? Страшно. Но тянет к краю. Отец Каличава — первый. Я за ним. И боязно, и пьянит. Когда подошла Маша, всё внутри обрвалось — даже просто смотреть страшно. Всё! Хорошо! Осторожнее...

Отец Вячеслав рассказывает: однажды тут упал парень. Вернулся из зоны. Пока летел, взмолился: Господи, спаси! Остался жив. Даже не сломал ничего. И это невероятно, настоящее чудо. Только Господь мог так сбересть. Парень пришёл к отцу Вячеславу, рассказал всё и говорит: отче, я уверовал...

Определённо, это место силы. И красоты. Состояние полётное. Спасибо Тебе, Господи, за такой подарок. Спасибо тебе, матушка Илариона, за эту поездку. Спасибо тебе, батюнечка Вячеслав. За твоё внимание, за то, что смог найти время, возможность провести нас сюда, спасибо за твою прекрасную душу и щедрое сердце.

Маша мечтала попасть в Загорск. Но матушка Илариона сетовала: нет времени, нет возможности. А тут, у порогов, вдруг сама говорит:

1. Исчезнувший посёлок Загорский в городском округе «Долинский».

— Батюшка, может, уже доедем до Загорска?

Поехали! Отец Каличава раньше сам работал на этой шахте, там и получил травму. Знает здесь всё и вся. Подъезжаем к Загорску. К бывшему Загорску. Несколько разрушенных домов справа по борту, настоящие руины. Выехали на пяточок и остановились. Отец Вячеслав указывает вверх на гору, поросшую деревьями: здесь был клуб. Какой клуб? Какой? Никаких следов.

Прошло всего лет сорок, а от человека не осталось никаких следов. Никаких. Отец Вячеслав машет рукой вправо: там, за мостом, была школа. Мост через реку Красноярку. Маша рассказывала про свою бабушку Лиду, которая на спор прыгнула с этого моста в реку, прямо в пальто и ботинках, а потом заболела и не пошла на первомайскую демонстрацию,— горячая какая! Истории оживают.

За мостом чернеет шахта. Почти разрушенная. Остов здания. Несколько этажей.

— Там была ламповая,— говорит отец Вячеслав.

Под ногами— уголь. На небе облако с двумя глазами— кто-то смотрит за нами. И кто-то сел с нами в машину проводить. Это стало понятно у источника, который мы сначала чуть не проехали, а потом вернулись задним ходом. У источника, на дереве— икона. На ветке— чашка. Пей! Набрали воды с собой. Напротив источника небольшой домик. Похоже, он один здесь жив. У дома— будка и пёс. Отец Вячеслав говорит: чья-то дача. Почему-то очень радуешься этому живому посреди всего бывшего. Когда сели в машину и поехали, было ощущение, что кто-то остался. Кто-то от бывшего центра Загорска, от моста, от шахты проводил нас до источника. И там остался...

Все притихли. Как будто стали свидетелями и соучастниками чего-то. А у меня было чёткое ощущение, что я попала в какой-то фильм. Сколько раз я смотрела кино и удивлялась: ну вот придумывают— такого не бывает и быть не может. И вот я попала прямиком вот в это— «такого не бывает и быть не может»...

До Быкова доехали очень быстро. Дальше— Долинск. Удочка Каличавы нас встретила его матушка. Есть люди, которых видно сразу: хороший человек. Как это ни банально звучит. Нас усадили за стол. Пили чай с чем Бог послал: с вареньем и булочками. Простой дом, простой быт. За короткое время отец Вячеслав стал близким и родным. Куда-то пошёл и вынес всем по банке замороженной икры. Василий и матушка Илариона отдали нам свои. Дары духовные. Дары материальные...

Снижаемся. Одиннадцать сорок четыре. Заложило уши. Плачет ребёнок. Скорость— восемьсот шестьдесят три километра в час. Высота уже семь тысяч шестьсот пятнадцать метров, до пункта назначения— двадцать одна минута. Температура в Москве— плюс пять. Спасибо, Сахалин. Посадка.

Дыщ-тыдыщ

Дорога выбегает из Суздаля. Направо— поворот на Кибол. Мы едем дальше, в село Менчаково. Сворачиваем направо, асфальт становится всё хуже, трещины паутиной разбегаются в разные стороны. Доезжаем до леса, снова направо, и вот мы осторожно крадёмся по грунтовке, переправляясь через ямы и бережно объезжая кучугуры. Ещё один едва приметный поворот направо. Прямо в сосны и высокие травы. Дороги нет вообще. Здесь просто несколько раз проезжала машина. По прямой траве находим путь к дому. Да это и не дом даже. Две бытовки, стоящие друг напротив друга, под общей крышей. Между ними струганный стол, простые скамейки, диван, раковина. С обеих сторон раздвижные двери из прозрачного плексигласа. Если их закрыть, получается летняя веранда. Хозяева— Ипполита и Костя. Костя— архитектор, сам придумал такую остроумную конструкцию из бытовок.

Мы приехали большой компанией: я, Маша, её муж Родион, их дети София и Василиса. Там уже были Митя и Маша— детки Ипполиты и Кости, несколько соседских девчонок, Таня, мама Ипполиты, и Лена Буданова, гостя из Мстёры. Дети радовались встрече— давно не виделись— и тут же убежали гурьбой на багут. Таня жарила шашлык. Мангал стоял перед домиком, и многообещающие запахи кружили голову. Накрыли длинный простой стол. Хлеб, помидоры, огурцы. Соседка принесла салат к шашлыкам. Таня на остатках угля поджарила чёрный хлеб. Как же это вкусно!

Родион зашёл в одну из бытовок и обнаружил там... барабаны! Ударную установку. Дети мигом собрались возле него. А он начал играть. И так. И сак. На барабаны и тарелки накинута по полотенцу, но звук всё равно был слишком громким для тишины вокруг. Родион увлёкся. Становилось всё громче, ритм страстно нарастал. И вдруг— смолк... Из комнатки вышла понуро Таня. В руках она держала огромный топор. Как ни в чём не бывало она прошла на улицу, к костру. А мы затихли, гадая о судьбе Родиона...

Дыщ-тыдыщ!— раздались удары по тарелкам. Все выдохнули и рассмеялись.

Ключи

Едем в Санино. Люблю туда ездить. Примерно двадцать километров от Суздаля в сторону Кидеши. Узкая дорога почти всегда пустынная. По бокам лес. Кидекаша, Песочное. Ещё немного проехать— и поворот направо. Маленькая деревенька Пруды. Дома почти все ухоженные и аккуратные. Опять лес. Слева чьи-то уголья, и вот уже видна колокольня и белый храм. Санино. Небольшая площадка для машин. С одной стороны— храм, с другой уходит тропинка к источнику. Источник— небольшая избушка на речушке с нежным именем

Учка. Рядом — брёвнышки вместо лавок. Правее — пятиугольная железная беседка со скамейками. Сегодня мало людей. От источника возвращались несколько человек — значит, очереди нет. . .

Мне нравится, когда здесь никого нет. На двери иконка и молитва, простая щеколда. Внутри, прямо в полу, — колодец и ведро на цепи. Ещё штук семь вёдер для обливания, ковшики. Полочка, и на ней иконы. Ящик для пожертвований. Два чистых холщовых полотенца. Несколько простых гвоздей вбиты в брёвна. Для одежды. Целлофановая занавеска, лавка и душевой поддон, вделанный в пол.

Быстро раздеваюсь. Ведро ледяной воды — прямо на голову. Вода обжигает, и к этому не подготавлишься. Во имя Отца. . . и Сына. . . и Святого Духа. . . аминь. И так — три ведра. Много где обливалась, но такого эффекта больше нигде не встречала. Такая внутренняя тишина и умиротворение, покой. В голове всё становится на место, проясняется. . .

Вода обжигает, зубы стучат, тело дрожит — так выходит печаль и тревога. Внутри молитва: «Богородице Дево, радуйся, благодатная Мария, Господь с Тобою. . .»

Я вытираюсь, одеваюсь и выхожу на солнце. Сажусь в беседку. Солнце обогревает и отогревает, сидишь и ни о чём не тревожишься. Всё у тебя хорошо, и всё тебе хорошо. Целый день бы так просидела. . .

Тихо иду по тропинке в сторону храма. Тут их два. Так раньше строили. Летний — большой. И зимний — маленький, чтобы можно было зимой протопить. Летний — Никольская церковь. Зимний — Покровская. Всё это — Свято-Никольский женский монастырь. До революции он был приписан к подворью Спасо-Евфимиева монастыря.

Прежде я заходила только в летний храм, зимний был закрыт. Сегодня Покровская церковь открыта, и мы сразу пошли туда. Церковь старая, не реставрированная, без золота и роскоши. Правда, говорят, что старинные иконы тут самообновляются, и объяснений этому нет. . .

Внутри никого. Или почти никого. Икона Серафима Саровского, заступника женщин. Серафим внимательно и строго смотрит на меня. Он всегда так смотрит. . . Прошу помощи и наставления. . .

Подхожу к другой иконе — «Утоли моя печали». Она вся увешана цепочками, крестиками и кольцами. Так обычно люди благодарят за чудотворную помощь. . .

Неожиданно из-за колонны появилась женщина с мальчиком лет шести. Умалычика дцп, и он едва ковыляет. Женщина достаточно молодая, похожа на блажененькую. Прямой наводкой — ко мне. — Елена, что вам рассказать об обители? Или вы, наверное, всё знаете? Рассказать вам?

От неожиданности я опешила. Ну не Алла же я Пугачёва, в конце концов, чтоб все знали, как меня зовут. . . Мои спутники растворились, и мы

остались с женщиной и мальчиком одни. Только икона «Утоли моя печали» была с нами.

— Что-то слышала, что-то знаю. Но не уверена, что знаю всё.

Знаю, что обитель достаточно древняя, построенная силами и на средства сельчан. После революции храмы не были разорены и разграблены благодаря изобретательности тайной монахини и старосты сестры Ангелины (Семёновой). Когда приезжали всевозможные комиссии, она закрывала храм и пряталась в лесу. Потом и вовсе закопала там ключи. Власти потребовали отдать их — отказалась, за что и попала в лагерь на пятнадцать лет. Спустя годы вернулась и ключи из тайного места достала. . .

— Ну хорошо, — заикаясь, сказала женщина. — А вы знаете, что у нас тут свод мироточил? Печку топили прямо в храме, потолок был закопчён, прямо по этой черноте и замироточил. . . — она показала на потрескавшийся свод над входом. — Потом у нас ещё несколько икон мироточило. . . Это чудо! Ну, вы тут побудьте сами, помолитесь.

Смутившись, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

Сами сёстры говорят, что ключи теперь чудотворные. И если постучать ими по спине — все хвори пройдут.

В 2001 году обитель приписали к подворью Богородице-Рождественского мужского монастыря города Владимира, и здесь образовалась Свято-Никольская женская община. Сейчас здесь живут семь сестёр. В основном преклонных лет, и им очень трудно приходится. Работать они уже не могут, а дел полно.

Мы выходим из Покровской церкви и идём в Никольскую. Красивый белый храм с колокольней. В храме никого нет. Только солнце в высокие окна. А, нет — за ящиком сидит монахиня. Свечи, иконы, чётки. Вот и те самые ключи. Старинные. Их два — в пол-локтя величиной. Просим позволения, и моя спутница начинает «простукивать» меня по позвоночнику. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. . . Потом от плеча к плечу: Святы́й Боже, Святы́й Крепкий, помилуй нас. Получился крест. Потом так же спереди: Богородице Дево, радуйся, — вдоль тела. И поперёк: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. . . Затем — голова, начиная с макушки и по бокам. Голова будто открылась и соединилась с небом. Что стало происходить внутри, не расскажешь. Да, наверное, и не надо — пусть это останется в тайне.

Я взяла ключи в руки. Теперь, похоже, соглашусь, что они необычные. И не только по форме. Тяжёлые, на огромном кольце. С молитвой «простучала» сына подруги. Неуёмный мальчишка сразу успокоился, зажмурился и стал сам подставлять кудрявую голову под ключи. . .

Пятнадцать лет они пролежали в земле, но ими до сих открывают и закрывают храм.

Вышла на улицу. Присела на поддоны... И во мне сегодня что-то закрылось, а что-то открылось.

Солнце просеивало небо...

Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе...

О маяках и людях

1.

Встречались с Борисом Кипнисом. Удивительное сочетание жизни и ухода, который уже машет ему рукой, маячит впереди. Восемьдесят четыре года, блокадник, кинооператор. Красавец даже сейчас. Жизнелюб. Богатая на события жизнь. Рассказывал, что в молодости у него был пышный чуб, золотая фикса и брюки клёш. Флотский ремень с пряжкой. Пряжку утяжеляли свинцом, чтобы в драке отбиваться. Был такой район в Ленинграде, куда человек в шляпе и очках даже зайти не мог. Бандитский район, где блатные назначали всякие разборки. Даже менты туда по одному не ходили. Только втроём-вчетвером. Иначе разденут до трусов. Борис хитро улыбается и добавляет:

— А то и трусы снимут...

Борис—еврей. Говорит, что в армии прыгал с парашютом и ввязывался во все драки, только чтоб не сказали: а, он еврей, трус! Смеётся: был бы русским—никогда б не прыгнул!

Сейчас Борис почти лысый. У него трясутся руки—старческий тремор. Стараются шутить, но очень стесняется, что не может размешать сахар в чашке и откусить пирог. Сделать вид, что ничего не происходит, не получается. Размешиваем сахар и кормим его пирогом. Утешаем, а он отшучивается. Он всё понимает. Мы всё понимаем.

— Борис Михалыч! А какие самые лучшие годы? — Средние. Когда ты уже что-то понимаешь и ещё можешь. В молодости ты всё «хаваешь» задаром. Всё подряд, не различая вкуса. В пятьдесят уже различаешь...

Рассказывает про свою жену. Как с ней познакомился, как поженились. Какая она хорошая.

— Борис Михалыч, не жалеешь?

— Конечно, жалею. Надо было оставаться холостяком.

— Почему?

— Творческий путь сложился бы интереснее. Семья отвлекает—её нужно обеспечивать... Жену, к сожалению, мало что интересует, кроме простых материальных вещей. Хотя она и вращалась по молодости в культурных кругах, но чувствовала постоянное напряжение, которое просило от неё какой-то работы, но ей не хотелось, неинтересно. А у меня богатый внутренний мир, внутренняя жизнь. Жаль, что не могу уже ничего...— с горечью говорит он.

Мы идём в кафе «Север», и Борис традиционно «гуляет» нас. Берём пирожные, пироги и капучино—всё, что душа пожелает. Борис платит

и счастливы своим гусарством. Чувствует жизнь и не хочет расставаться. Мечтает...

— А поехали вместе за бугор на машине?

У него маленький красный «Гранд Витара», который он до сих пор водит. И достаточно энергично. Подносит ключ к зажиганию. Рука трясётся, и он не сразу попадает в замок.

— Поехали? В Германию или ещё куда...

— Когда, Борис Михалыч?

— А когда скажете...

— Борис Михалыч, давайте,—соглашаемся.

И я отчётливо понимаю, что этого не будет никогда. И это впервые. Потому что всё возможно, всё реально. А этому не бывать...

— Борис Михалыч, а что вы думаете о любви?

— Любовь—это всё, любовь—это движитель всего...

Он ведёт достаточно активную жизнь: посещает выставки и театры. Снова шутит над своей немощью. Внезапно серьёзнее.

— Проблема в общении,—называет имя.—Один он остался. Ему восемьдесят два года. Все остальные друзья умерли...

Борис Михалыч ведёт свой джипик даже слишком аккуратно—видимо, учитывает своё состояние. Незло поругивается на соседей по дороге, которые нарушают правила, комментирует их манёвры. В манере езды чувствуется, что раньше ездил лихо. Странное сочетание—жизни и прощания с нею...

Напоследок дарит по маленькой китайской чашечке. Провожает нас до метро. Глаза слезятся от холодного и пронизывающего ветра. Или плачет?... Целует нас и обнимает, не хочет прощаться...

Я целую его в небритую щёку.

Увидимся ли ещё?

2.

После дедушки Кипниса мы поехали в гости к Диме Токмакову—калининградскому Машиному другу. Съёмная двухкомнатная квартира на Лиговском. Минимум мебели. Нас угощают. Приходит Янит—подруга Димы. Маленькая женщина, чёренькая, с аппетитными формами. Янит с еврейского—голубь. Она психолог, работает в школе. Ей двадцать восемь лет. Приятный и чистый человек. Немного идеализированные представления о жизни, несмотря на профессию.

Дима—тоже психолог. Когда-то давно, триста лет тому назад, он открыл в Калининграде клуб авторской песни «Подорожник». Принцип: все, кому есть что сказать,—добро пожаловать. В «Подорожнике» было принято обниматься при встрече. Новенькие часто были не готовы к подобной душевности, но быстро привыкали и уже без усилий обнимались.

Диме пятьдесят один или пятьдесят два года. У него взрослые сын и дочь, которых он по

каким-то причинам растил сам. Ему никогда и ни за что не дадим его возраста. Красавец-мужчина: крепкая фигура, лысая голова и борода лопатой. Если сбрить бороду, больше тридцати—тридцати пяти лет не дашь. Спортивен и подвижен—внутри и снаружи. Увлекается цигун и изучает массаж по точкам. Умён, образован, полон. От него идёт такая волна спокойствия, как будто он что-то разглаживает в пространстве. Благоразумен, но не скучен. Разговаривать с ним приятно и интересно. Полное ощущение, что мы с ним одни книги читали. После множества православных людей и их разглагольствований о грехе ощущение, что чистого воздуха глотнул и идёшь не по минному полю, а смело шагаешь вперёд. Всегда приятно встретить нормального мужика. Дима недавно переехал из Калининграда в Питер—сделал себе подарок на пятидесятилетие—и сейчас обустроивается.

Просидели у них довольно долго, потом поехали на Васильевский остров—место нашей дислокации. От метро пешком по «Яндекс.Картам», послушно поворачивая за линией маршрута. Зашли домой, бросили вещи и решили погулять. В полночь-то чего не прогуляться?..

Пошли наугад до реки, потом налево и дальше, дальше. По дороге встретилось несколько кладбищ. Армянское, декабристское, ещё какие-то. Видимо, это комплекс Смоленского кладбища. Мороз. Снег скрипит под ногами. Спустились с обрыва, перешли реку по льду, перелезли через забор. Маша периодически приглашала прогуляться по очередному кладбищу.

— Нет, спасибо.

— Боишься?

— Нет, мне туда не надо.

Шли кучугурами и тропинками

— Страшно тебе?—несколько раз спросила Маша.

— Нет. Не страшно. Спокойно. Хорошо.

Я вспомнила Освенцим. Приехали туда в час или два ночи. Поселились в гостинице. Поставили машину. Я устала: длинный перегон, незнакомые дороги, по которым мы каким-то чудесным образом попали туда, куда надо. Завтра сам Освенцим и опять километров четыреста до Кракова... Но Маша настаивает: «Пойдём, прямо сейчас. Я не могу спать».— «Ладно, пойдём». Освенцим—маленький аккуратный городок, несколько улиц. Ночь. Волшебно пахнет выпечкой из пекарен. Ни души. Мы топаям по улицам и слышим свои шаги. Где-то далеко поезд—раздаются гудки. Я всегда очень любила звук идущего поезда—уютно. Но здесь меня охватывает ужас. Животный страх. Мы идём. Ужас нарастает. Звуки поезда становятся зловещими. Улицы пусты и чисты—ничего бояться. Но я с трудом иду. Никогда в жизни мне не было так страшно. Деревья, фонари, тени, поезд... Мы идём по «Гугл.Картам» к лагерю. Как на следующий день оказалось, подошли к нему с другой стороны,

с задков. Какой-то звук заставляет сжаться меня ещё сильнее. Это храпит бомж. Спит на остановке, и в зловещей тишине—его могучий храп. Август. Тени от деревьев. Подходим к воротам. Вышки и колючая проволока. Надпись на воротах—на немецком и польском. От ворот внутрь уходит дорога. От страха я уже не понимаю, что происходит. Мне кажется, сейчас с вышки по нам начнут стрелять. Я никогда особо не интересовалась этой темой, ничего не читала и не смотрела. Знала лишь то, что знает любой советский школьник. Откуда этот леденящий ужас? Господи, неужели я была здесь? Видимо, да...

— Страшно тебе?—спрашивает моя спутница.

— Нет. Не страшно. Спокойно.

Я сама с собой. Приятно идти так и скрипеть снегом. Сапоги дорогу знают, только ноги поднимай...

Мы выбрались из кушаров опять к дорогам, машинам и домам. Обошли весь комплекс Смоленского кладбища.

— Крестный ход у нас тобой получился,—замечает Маша.

Время от времени на ограде появляются таблички: «Смоленское кладбище. Часы работы: с 10:00 до 19:00». Так буднично, как офис или магазин...

Вернулись в начале третьего ночи. Ни усталости, ни тревог, ни желаний.

Утром встали и поехали к Иоанну Кронштадтскому. Основной храм на втором этаже был закрыт. Открыт маленький—усыпальница Иоанна. Я ничего о нём не знаю, но было утешительно. Православные тётеньки истово читают молитвы перед ракой с мощами. У Маши были записки из Суздаля к Иоанну. У женщины «на ящичке» мы спросили, что с ними делать. Оказывается, надо затолкать под раку.

Храм стоит на реке Карповке. Подошла к ограде. По перилам пешком ходят голуби. Некоторые—с оранжевыми глазами. Смелые. Не улетают. Почти как в Венеции, только на руку всё-таки не садятся. Солнце. Так хорошо, ничего не надо...

А, нет. Всё-таки надо. Захотелось есть, и мы зашли в небольшую столовую, которая оказалась по дороге. Удивительно, но в Питере на каждом шагу столовые, где можно поесть и вполне себе недорого. Не то что в Москве, где одни рестораны, кафе, дорожные «Шоколадницы» и прочие «Кофе-Хаузы», где чашка кофе стоит как самолёт, а по вкусу—как «три в одном». На худой конец—«Макдональдсы», они бездушны и мало отстают по ценам.

В столовой к нам присоединился вчерашний Дима, гулявший неподалёку. Мы уже поели и берём на всех чай. Неспешно сидим. Разговариваем, хохочем. Делаем потешные селфи. Дима рассказывает про реперные точки и маяки. Оказывается, при любых войнах маяки никогда не бомбили,

не обстреливали, не вводили войска. Это такая неприкосновенная территория, нерушимый тотальный ориентир, который всегда есть. Интересно. Я не знала. Меня столько раз называли маяком...

Сегодня у нас ещё посещение Максима. Максим Якубсон. Режиссёр. Человек с глазами и бородой. Сублильного телосложения. Живёт на Большой Подьяческой. Из всех я больше привыкла ориентироваться на местности и периодически подправляла маршрут. Идём по улицам, где я никогда не бывала, но совсем нет ощущения незнакомого места. Заходим в магазин с камнями. Не удержалась и купила шампунь с шунгитом. Дима вышел чуть позже. Разжимает кулак: на ладони два розовых камешка—сердолики.

— Выбирайте! Говорят, этот камень защищает от зависти.

— Годится!

Никогда не могла понять, чему, но мне часто завидуют. Пусть теперь защищает... Приятно.

Неву решаем переходить не по мосту, а по льду. Она полностью встала, как тогда, в блокаду. Я никогда не ходила по Неве. На середине реки широкая борозда—взломанный лёд. Солнце играет на кристаллах. Попробовали—замёрзло накрепко. Красота завораживает. Даже в Русском музее не забаррикадироваться от той красоты... Хочется сфотографировать всё. С Димой легко, нет напряжения, не надо вымучивать разговор. Успеваешь уделить внимание всем. Звонит невозмутимый Максим. — Аллё, вы где?— характерно спрашивает он.— А, ну это ещё полчаса. Жду.

От мороза у всех наконец-то разряжаются телефоны, и можно идти спокойно, не фотографируя. Впереди Исаакиевский собор. В небе чертит белым самолёт.

Нас встречает Максим. Усаживаемся на кухне, и сам собой готовится ужин из топора. Максим с виду мягкий, но такой в нём чувствуется стержень. Приходит его жена Наташа, художница. Инопланетная и на своей волне: что ей не надо—проплывает мимо, не касаясь, как будто и не слышит вовсе. Но всё слышит. И что ей интересно—внезапно вскидывается и просыпается. Приходит дочка Сима. Красивая, живая и тёплая девушка лет двадцати. Следом— Артём, подросток с трудным характером. Все как-то помещаются на маленькой кухне, всем хватает еды. Такое ощущение, что тремя хлебами наелись.

Нам пора. Как провозаюют до маршрутки. Маршрутка, как по заказу, идёт на Васильевский остров. Поезд в ноль сорок.

Москва встретила, как всегда, напряжением и ощущением, что всё очень трудно. Метро лишило последних сил.

Хорошо, что есть дом. Пристань. Хоть и нет порядка, какого б хотелось. Ну, значит, и есть к чему стремиться...

Праздников праздник

Христос воскрес!—и ты воскресни!

Л. Губанов

Весна в этом году не спешит. Ночью ещё мороз, а днём—понемногу отогревается. Хмурое тихое утро. Суббота. Машин ещё мало, и пробок нет. Сегодня вечером Пасха. Впервые за несколько лет я не в Суздале. Не в храме на праздничной службе.

Дали заказ: из Домодедово—в гостиницу неподалёку. Пассажир—щуплый мужчина невысокого роста. Спрашивает: что, и завтра будете работать? Праздник же...

Праздник... Да, буду работать. Я не олигарх. И в праздник надо кому-то лечить и возить. Господь простит.

В прошлом году на Пасху я была в Суздале. Началась праздничная служба в Успенском храме. Под звон Валеры Гаранина прошли крестным ходом в кремль. На пороге остановились. Батюшки окружили отца Арсения, а он, окропляя всех водой, кричал: «Христос воскрес! Христос воскрес!» Народ дружно в ответ: «Воистину воскрес! Воистину воскрес!»

Отвечаю вместе со всеми, в душе—ликование, и мурашки по коже. Отец Арсений и священники зашли в храм. Мы за ними. Суздальский кремль очень древний. Пол из железных плит. Холодно, как зимой. Потом выяснилось, что кремль отапливается круглогодично. Но холодно там даже летом. На Пасху всегда долгая служба. Постепенно все замёрзли. Был уже третий час ночи. Дети измаялись—кто стоя, кто сидя начали пристраиваться спать. Соня с Василисой тоже устали и замёрзли. К тому же им понадобилось в туалет. Деваться некуда. Посадила в машину и отвезла домой. Они ждали, когда можно будет поесть куличей, бодриться, свет не выключали, да так и уснули.

Вернулась в храм. Проповедь архиерея. Я снова вся промёрзла. Ноги окоченели—не чувствую. Наконец служба завершилась. Еле живые, мы тронулись в сторону Успенского храма...

И тут со мной что-то случилось... Внутри поднялось такое возмущение: «Да что же это такое?! Да кому такой праздник нужен, если и взрослые, и дети едва живые?..» Шла, выступала и дивилась: откуда это? И где смирение? И где же Пасха во мне, если я такое несу?..

...Вот и Успенский храм. Колокольня ждёт нас. Праздничный пасхальный звон. На Светлой седмице можно звонить всем. Во славу Господа! Радость какая!

Бегом по лестнице—наверх. Люк открыт, и Маша уже на помосте. Бом, бом, бом! Христос воскрес! Христос воскрес! Снимаю всё телефоном. В какой-то момент изменила ракурс съёмки, и... Я не сразу поняла, что произошло. Боль обожгла, искры из глаз! Лопнул трос для растяжки одного

из колоколов и подскочил по губам, по носу... Зажала рот рукой. Под пальцами всё горело и пульсировало. От боли выступили слёзы.

Праздничный звон завершился. Еле нашла люк, деревянные ступени. Внизу — маленькая площадка с припасами свечей, лампадного масла, ладана. Стопки ладанок. Зелёные брикеты пасты ГОИ. Вешалки с облачением. Дальше уже железные ступени. Выход. На пороге привычно обернулась и перекрестилась. Склонила голову: как же больно и... стыдно. Христос на кресте претерпевал. А я несколько часов в холодном храме не выдержала...

Улица.

Ещё темно.

Вот и праздник. Вот и... Пасха!

Крымский парус

Коктебель. Гора Клементьева. Ждём, когда утихнет ветер и можно будет полетать на парашуте. Ветер сильный, и я боюсь. Инструкторы напряжённо смотрят на колдун, ждут, когда ветер стихнет. Колдун — на самой верхней точке горы. Колдун похож на колпак или сачок, только с отрезанным концом. Развевается на ветру — так можно увидеть направление ветра и силу. Внизу под тобой — море. И Кара-Даг — как на ладони. Все полёты сертифицированы, проводятся с инструктором. Никто не будет рисковать. Но я сижу и про себя читаю: «Богородице Дево, радуйся». Конечно, я хочу полететь. Конечно же...

Сидим в кафе, которое примостилось на самой горе. Панорамные окна, через которые видны море и горы. Кроме нас, ещё одна компания, которая ждёт милости ветра. С ними маленький мальчик, который время от времени канючит: — Я полететь хочу, я полететь хочу.

Присмотрелась: это же Юджин. Я с ним познакомилась (вернее — он со мной) внизу, на берегу моря, — сидела на камнях, а он подошёл.

— Привет! — смело сказал он.

— Привет! Тебя как звать?

— Юджин.

— Тебе сколько лет?

— Четыре!

Он начал карабкаться ко мне, и я подала ему руку.

— А сесть где?

— Садись, — я убрала рюкзак.

В одной руке у него был «Киндер-сюрприз», в другой — пакетик с конфетками.

— Как думаешь, с чего начать? — спросил он меня и, не дожидаясь ответа, начал с шоколадного яйца.

Внутри оказалась синяя пластмасса.

— О! А вчера была жёлтенькая...

— Ты откуда, Юджин?

— Из Москвы.

— Ты не поверишь, но я тоже оттуда. А где ты в Москве живёшь?

— Далеко отсюда.

— Понятно. Ладно, Юджин, мне пора. Пока.

— Пока.

Я встала и пошла по причалу в сторону яхты «Фаворит». Мы отправлялись. Небольшая яхта. Две мачты. Стилизована под старину. Парусов я не увидела. Мы пошли в сторону Кара-Дага и Золотых Ворот. Капитан рассказывал о прибрежных скалах, какая как называется и на что похожа. Перемежал это всё не всегда удачными шуточками. За скалами открывались бухточки с небольшими пляжами. Попасть к ним можно только с воды. Гроты и нависающие скалы. От величия гор замолкаешь. Знаменитые сердоликовые бухты. Катер возит желающих. Оставляют там, договариваются, когда обратно. И — ищи. Если повезёт...

Ветер немного стихает. Колдун уже не так яростно наполнен ветром. Кто-то уже пробует летать. Но наши инструктора говорят, что ещё очень сильный ветер. Смотрю в окно. Ветер гнёт деревья. Компания взрослых, что с Юджином, накерогазилась коньяком с шампанским и уезжает. Мы ждём. Я немного успокоилась, и вот уже фантазия разгулилась. Представляю себя героем Экзюпери. Суровым и строгим лётчиком. Лицо выдублено ветром. Ждём. Я вспоминаю своего двоюродного брата Диму из Черкасс. В какой-то момент Дима увлёкся малой авиацией. Спрашиваю: «Дима, неужели тебе не страшно?» Он смеётся и рассказывает про своего инструктора, что учил его летать: «Те, которым не страшно, — все там, — и машет рукой в сторону кладбища. — А все остальные чувствуют естественный страх. Потом, Алёнка, у самолёта есть такое свойство — планирование. Даже если что-то с двигателем случится, всегда можно спланировать вниз и приземлиться». Это, конечно, о малой авиации...

Мы сидим в кафе и ждём, когда ослабеет ветер. В огромных окнах несколько дельтапланов и планиров. В кафе всё на лётную тему. Под потолком парят модельки самолётов всех мастей. Стены увешаны вымпелами и дипломами. В углу — неожиданно — пианино. На нём — игрушки и опять самолётики. За спиной стучат кубики. Кто-то играет в нарды. Несколько простых столов. Деревянные стулья. На одном притаилась чёрная кошечка. Только лапы видать. Похоже, она ждёт котят. Ожидание как будто замедлило время. Всё происходит лениво, не торопясь, как в рапиде. Смотрю в окно. Несколько дельтапланов. В небе они как птицы. А ведь когда-то давно, в юности, я мечтала об этом. Нет. Не мечтала. Даже боялась помечтать. Полететь... И вот моя детская мечта так рядом, готова сбыться. А сердце сжимается от страха. Почему так? На, бери! Почему же так страшно?..

Богородице Дево, радуйся... Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя... Всё в руках Твоих, Господи! Спаси и сохрани...

Ждём. Ждём погоды. Ждём милости ветра. Ждать! Не бояться!

Приходит наш инструктор Андрей.

— Ветер не утихает. Сегодня ничего не получится...

Как же так? Ведь завтра нам уже уезжать. Переправа — и впереди долгий путь до Москвы. Страх сменился азартом: как же так? Я уже и бояться перестала, уже и приготовилась, а теперь неприятствия... На наших лицах разочарование... Андрей предлагает съездить на гору у берега, полетать над морем. Мы быстро садимся в машину и едем в сторону знаменитой горы Волошина, где он проводил много времени в раздумьях. Остановились. Андрей пошел проверить ветер. Вернулся.

— Нет. Сильный ветер. Сегодня ничего не будет. Какие у вас планы на завтра? Уезжаете?

— Уезжаем. Но мы очень хотим полетать. Мы задержимся...

Договорились, что он утром приедет на гору, если летать можно — звонит нам.

Уставшие, мы вернулись в Судак. Даже и думать боимся: получится ли? Быстро собрали все вещи и завалились спать.

В восемь утра звонок. На экране: «Андрей. Летать. Параплан», — так я сохранила номер телефона. — А мы уже летаем! Приезжайте!

Мы, как солдаты, загрузили машину, сдали номер и выехали в сторону Коктебеля. Горная извилистая дорога. Серпантин. Справа горы. Слева море... море... солнце... небо... горы... море...

Проезжаем Коктебель. Вот и гора Клементьева. Говорят, однажды Максимилиан Волошин с Константином Арцуловым — пилот, внук Ивана Айвазовского — возвращались пешком из Феодосии. Пилот увлечённо объяснял поэту принцип действия восходящих потоков. Они поднялись на Узун-Сырт (так раньше называли гору), Волошин бросил вниз свою шляпу, но она не упала, а стала парить. А потом поднялась и вернулась прямо в руки. В мире всего две горы, где есть такие восходящие потоки. Одна — в Крыму, другая — в Америке. Узун-Сырт переводится как «длинная спина». Эта гора стала колыбелью российской авиации. Здесь начинали знаменитые авиаконструкторы Ильюшин, Антонов, Яковлев. И даже сам Королёв. Потом её переименовали в гору Клементьева. По имени лётчика, который здесь разбился. Правда, все лётчики и планеристы между собой называют её просто — Гора. И наш Андрей тоже.

Почти полностью огибаем Гору. И вот — поворот налево. Мы на месте. Андрей в сером комбинезоне встречает нас. Он очень похож на поляка, так и хочется назвать его Анджеем. Серый комбинезон придаёт ему ещё большее сходство с героями Экзюпери. Мы подходим к краю Горы. Ветер треплет нас. Внизу — почти пересохшее озеро. Андрей поторапливает. Ещё минут сорок, и опять поднимется ветер, летать будет нельзя.

— Лenoчка, мы начнём с вашей подружки. Она, прошу прощения, полечче...

Каждый инструктор мгновенно прикидывает вес потенциального воздушного путешественника. Чем тяжелее, тем труднее «пробить» ветер. Маша надевает шлем. Помощник Андрея Дима застёгивает множество замков на снаряжении. Параплан — как огромный парашют, только купол не круглый, а продолговатый. От купола к планеристу идут тонкие, но очень крепкие стропы. Он берёт их в руки, как звонарь на колокольне или как возница на колеснице. Купол безвольно лежит на земле. Неуловимое движение, и купол оживает, наполняется воздухом и вот уже трепещет на ветру. Трепещет и бьётся, как птица. Инструктор тоже надевает снаряжение. Пристёгивает подобие сиденья. Запасной парашют — на всякий случай.

— Руки во время взлёта держать на груди, — говорит Дима и, показывая, как именно, скрещивает их точь-в-точь как на причастии.

Всё готово к полёту. Андрей начинает перебирать ногами, два помощника подхватывают их с Машей по бокам и придают ускорение. Летят! Я прикладываю руку козырьком ко лбу и провожаю их, инстинктивно читая про себя молитву. Летят то выше, то ниже, то в сторону. Заворожённо стою на краю. Вижу орла, который парит рядом с ними. У него на горе гнездо с орлятами, рассказал потом Андрей.

Ко мне подходит Дима. Приехал ещё один инструктор — Сергей. И надо лететь с ним. Мне бы хотелось с Андреем, но Андрей ещё в воздухе. А ветер опять крепчает, и полёты в любой момент могут отменить. Мне выдают каску и надевают снаряжение. Сергей придирчиво проверяет всё. Бурчит:

— Кто так складывает?

И распутывает стропы. Меня пристёгивают к Сергею.

— Твоя задача — на взлёте поднять ноги, — напутствует Дима.

Я скрещиваю руки на груди, и становится спокойно. Сергей взлетает не так чисто, как Андрей, — один раз мы завалились. Ветер довольно мощно терзает купол параплана. Дима с помощником поймали нас и, придерживая, повели к краю. Шаг, другой, третий — летим! Страх и беспокойство отходят. Остаётся восторг от полёта. Сергей не очень-то разговорчив, но дело своё знает. Напевая себе что-то под нос, то поднимет, то опустит. Купол у нас красно-бело-синий, как российский флаг. Вдруг Сергей кладёт нас почти горизонтально и кружит очень быстро, как на карусели. Восторг и страх одновременно. Внизу — пересохшее озеро, село Наниково, море и Кара-Даг. Иногда Сергей подходит близко к Горе. Настолько близко, что можно

рассмотреть травинки и жёлтые цветы. Иногда взмывает вверх. Управляет ловко парпланом. Восходящие потоки послушно служат нам. Тут он взлетает очень высоко и заходит над Горой. Непередаваемо... Я понимаю, что мы заходим на посадку. Вижу, как по Горе к нам бежит Дима. Помочь при посадке. Сергей спрашивает:

— Ну как, удалось себя птицей почувствовать?

О да! Удалось. Невыразимо...

Приземляемся. Сергей безупречен. Дима отстёгивает меня. Маша встречает. Лица у нас ошалелые от счастья. От полёта. От исполнения мечты...

Поднимается ветер—ловко мы успели. Летать больше нельзя. Нас немного подташнивает.

— Это пройдёт,—говорит Андрей.

Захотелось ещё раз подойти к краю Горы. Ветер разошёлся не на шутку. Куртки парусят на нас. Нет сил уехать прямо сейчас. И мы снова идём в кафе. Сидим там какое-то время. Мне стало жаль сил и энергии, что я потратила на страх перед полётом... Но ведь это было впервые... Потом мне будет снится, как я подхожу к краю Горы: шаг, ещё, ещё—лечу...

Я обязательно полечу ещё...